
М. В. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

Книга Д. С. Лихачева «Человек в литературе Древней Руси» и история русской литературы

Изданная впервые в 1958 г., эта книга — одна из тех, без которых трудно представить себе не только историю науки о древнерусской литературе, но и историю науки о русской литературе в целом. И вместе с тем «Человек в литературе Древней Руси» — не совсем *история* древнерусской литературы. Д. С. Лихачев не раз говорил о том, что ему хотелось бы написать историю литературы не как последовательную смену одних памятников другими и даже не только как смену эпох и стилей, о чем, кстати, идет речь уже в «Человеке» (уместно вспомнить и подзаголовок другой его книги «Развитие русской литературы X—XVII вв. Эпохи и стили». Л., 1973), но как историю какого-то одного сюжета, одного мотива, одного приема или одного жанра, подобно тому как в свое время академик А. Н. Веселовский рассмотрел историю эпитета. В книге Лихачева «Человек в литературе Древней Руси» было отчасти реализовано это желание.

Во вступительной статье ко второму изданию книги 1970 г. Лихачев писал: «Главы настоящей книги не следуют хронологии историко-литературного процесса. Книга не стремится изобразить и с т о р и ю (разрядка автора. — М. Р.) изображения человека, хотя и должна давать материалы для этой истории, поднимая некоторые общие вопросы, связанные с изменением формы изображения человека».¹ С точки зрения современных дискуссий о том, как писать историю литературы и надо ли ее писать вообще (в этом, например, со свойственной ему иронией сомневался покойный М. Л. Гаспаров²), во многих своих положениях книга Д. С. Лихачева «Человек в литературе Древней Руси» остается непрочитанной. В каждой своей теоретической работе Д. С. Лихачев предупреждал: не следует абсолютизировать его наблюдения, многие из них — только догадки, только материал для будущих разысканий, как бы «набросок карандашом» для большой картины. Постмодернистская наука о литературе в своих радикальных проявлениях призывает отказаться

¹ Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970. С. 4. Далее ссылки даются на это издание.

² Гаспаров М. Л. Как писать историю литературы // Новое литературное обозрение (НЛО). 2003. № 59. Тем не менее автор приходит к тому, о чем не раз писал и Д. С. Лихачев, и его предшественники — В. П. Адрианова-Перетц и В. Н. Перетц: «Кажется, есть такая типология, в которой ученые делятся на „эрудитов“ и „проблемщиков“. Конечно, историю литературы пишут „проблемщики“. Но написанные ими истории литературы бывают тем долговечнее, чем толще под ними фундамент, заложенный „эрудитами“» (Там же).

от «консервативного академизма» в написании истории литературы, и в частности отказаться видеть в книжности, или словесности, средневековой Руси некое единство, некую целостность. Это отчасти оправдано и самими разнородными, разножанровыми и разновременными древнерусскими текстами, и теми предшествующими работами о них, которые не всегда основаны на конкретном анализе меняющегося рукописного материала, однако претендуют на теоретическую значимость. За теоретическими же положениями работ Д. С. Лихачева, и его книги «Человек в литературе Древней Руси» в том числе, всегда стоят результаты конкретной работы с текстом с учетом всех его разновидностей, если речь идет о средневековой литературе, и авторских черновиков и набросков, если — о новой. Позднее, рассматривая явление, которое он назвал «принципом дополнительности» в изучении литературы, Д. С. Лихачев заметил, что «рядом с естественным для науки выявлением однородных явлений и расчленением на них литературы, литературного процесса, необходим и „дополнительный“ процесс восстановления целостности изучаемых явлений».³ Иначе, писал он, происходит неизбежное упрощение истории литературы, если смотреть на нее с какой-либо одной точки зрения, несущественно — марксистской, формалистской или структуралистской. Д. С. Лихачев не отказывал описательным историям древнерусской литературы в праве на существование. По его словам, они всегда будут необходимы для изучения литературных фактов, для первого знакомства с литературным движением. Таким образом, в отличие от ряда современных исследователей, он шире смотрел на возможность создания теоретической истории русской литературы.

Книга «Человек в литературе Древней Руси» писалась в середине 1950-х гг., и это важно, ибо всегда важен исторический контекст работы ученого в России. Многие наблюдения над изображением человека выросли из работы Д. С. Лихачева над русским летописанием, завершившейся изданием в 1947 г. краткого варианта его докторской диссертации «Русские летописи и их культурно-историческое значение», а в 1950 г. — изданием совместно с Б. А. Романовым двух томов «Повести временных лет» в серии «Литературные памятники». В том же году в юбилейном сборнике статей, посвященном «Слову о полку Игореве», выходят важные статьи Д. С. Лихачева об устной традиции в «Слове» и в летописи, развивающие отчасти наблюдения автора, высказанные им ранее в книге «Русские летописи и их культурно-историческое значение» (1947). Вскоре издаются два тома «Истории русской культуры», в написании которых непосредственное участие принимает и Лихачев. В 1952 г. ученый публикует книгу «Возникновение древней русской литературы», продолжением которой стала вышедшая почти двадцать лет спустя уже упоминавшаяся монография «Развитие русской литературы X—XVII вв. Эпохи и стили» (1973). Между двумя изданиями «Человека в литературе Древней Руси» лежит и книга «Поэтика древнерусской литературы»,⁴ ставшая важной вехой для исследования средневековой русской литературы в целом. Сравнивая эту свою работу с «Человеком», автор

³ Лихачев Д. С. Очерки по философии художественного творчества. 2-е изд., доп. СПб., 1999. С. 42.

⁴ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М.; Л., 1967.

писал в Заключении его второго издания: «„Поэтика древнерусской литературы“ по-иному исследует проблемы художественности древней русской литературы. Главным в ней являются не стили изображения, а отдельные аспекты художественности. Она посвящена не истории, а статике, не стилям, а способам».⁵ В этом контексте научного творчества Д. С. Лихачева и следует, на мой взгляд, рассматривать его книгу «Человек в литературе Древней Руси».

Даже полученная за «Историю русской культуры» Государственная (а тогда Сталинская) премия не оберегала ученого от возможных идеологических нападков впоследствии. И упреки, увы, иногда и теперь, уже с новых конъюнктурных идеологических позиций, адресуемые Лихачеву, — в том, что он якобы нигде не писал о важнейшей — христианской — составляющей средневековой русской литературы, не подчеркивал ее, а искал якобы *только* пресловутые «элементы реалистичности» в изображении человека, — не имеют под собой никакой реальной основы. Попробую это показать.

Книга «Человек в литературе Древней Руси» построена по хронологически «перевернутому» кольцевому принципу: начав с рассмотрения проблемы характера в исторических произведениях первой трети XVII в., перейдя затем к описанию стиля «монументального историзма» XI—XIII вв., а затем, словно бы «выравнивая» хронологию через описание «экспрессивно-эмоционального» стиля конца XIV—XV в., «идеализирующего биографизма» XVI в., отдельно остановившись на анализе кризиса средневековой идеализации человека в житийном жанре, Д. С. Лихачев возвращается к литературным памятникам XVII столетия. В них он видит уже существование разных способов изображения человека в так называемой «демократической» литературе (с блестящим анализом «Повести о Горе-Злочастии» и сочинений протопопы Аввакума), с одной стороны, и в «высокой» культуре барокко в его русском варианте, с другой. Одним словом, Д. С. Лихачев выстраивает сюжет своей книги о человеке таким образом, что внимательный читатель, сознавая и церемониальность феодального мира, и соответственно этикетность многих ситуаций в древнерусских текстах (на что, кстати, обратил внимание современного читателя именно Д. С. Лихачев) видит всю сложность и неоднозначность изображения человека авторами анализируемых сочинений. При этом на первый план, естественно, выходят персонажи: исторические лица, князья, воеводы, церковные иерархи, святые, безымянные герои, но всегда существующие в определенном социокультурном контексте. Вместе с автором книги мы следим за приемами работы древнерусского книжника, за способами изображения им человека в памятниках литературы. И результаты этих наблюдений Д. С. Лихачева демонстрируют превращение книжности в собственно литературу, способа изображения — в прием, когда возникает вымышленное имя героя, когда появляются жанровые различия в изображении людей, когда автор текста задумывается о самоценности человека. Но вместе с тем существует в этой книге еще один «человек в литературе Древней Руси» — не только тот, о ком пишут, но и тот, кто пишет, то есть сам древнерусский книжник — автор, редактор и переписчик.

⁵ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 2-е изд. Л., 1971. С. 159.

Почему, например, в XVI в. хронист обращается к тем же источникам, что и летописец века XII, но совсем по-иному включает этот материал в свой рассказ? Как внутри исторического повествования вызревает единая точка зрения хрониста на события? Или чем отличается характеристика отдельного князя в летописи, данная путем перечисления его добродетелей, от кратких характеристик Степенной книги, построенных на указании внутренних побуждений, внутренних качеств действующих лиц? Как связаны такие характеристики с «этикетным психологизмом» (выражение Д. С. Лихачева)? Почему появляется «новое отношение к самому историческому материалу»? И так далее. Здесь важны даже не столько ответы, раскрывающие перед читателем заманчивую перспективу дальнейших исследований, сколько вопросы, впервые поставленные Лихачевым применительно к древнерусской словесности. Древнерусский книжник, этот «второй человек», выступает на страницах книги Д. С. Лихачева неявно, но он все время присутствует в ней. А значит, и название монографии можно понимать глубже: человек в литературе Древней Руси — это и ее автор, и ее герой.

Особенностью книги Д. С. Лихачева является частое сопоставление текстов древнерусских сочинений с изобразительным искусством соответствующих эпох. Изображение в настенной живописи, в иконе, в миниатюре отмечается не только как иллюстрация, но как типологически сходное явление между ним и текстом. Особенно ярко это раскрыто в главе об «экспрессивно-эмоциональном стиле» в литературе конца XIV—начала XV в. С названной точки зрения рассмотрены новгородские и псковские фрески из церкви псковского Снеготорского монастыря, новгородских храмов Спаса Преображения на Ильине улице, Федора Стратилата, Успения Богородицы на Волотовом поле, Спаса на Ковалево. Первые «древнерусские» по материалу тома десятичной академической «Истории русской литературы», в написании которых принимал участие еще молодой тогда ученый Д. С. Лихачев, по инициативе В. П. Адриановой-Перетц включали разделы по средневековому русскому искусству, но их включение носило скорее медальонный характер.

В первом издании «Человека в литературе Древней Руси» Д. С. Лихачевым была сделана попытка не просто сопоставить живопись и текст, но объяснить то общее, что их объединяло, через основные историко-культурные тенденции эпохи. И хотя впоследствии сам автор весьма критично писал: «...как только мы начинаем объяснять, наблюдатель-литературовед неизбежно вторгается в литературу и упрощает ее согласно своим научным установкам. Произведение неотделимо от читателя»,⁶ тем не менее этого упрощения в книге не происходит. Не слишком вдумчивым читателям она может показаться простой, потому что о сложном материале Д. С. Лихачев умел писать просто, заставляя читателей размышлять вместе с ним. Однако здесь не менее важно и то, о чем почему-то часто забывается: Лихачев указывал, что «соотношения литературы с другими искусствами требуют внимательного изучения. В данной книге они *только намечаются* (курсив мой. — М. Р.)».⁷ Эта связь между живописным и литературным изображением человека, добавлял он, «может быть отмечена

⁶ Лихачев Д. С. Очерки по философии художественного творчества. 2-е изд., доп. СПб., 1999. С. 42.

⁷ Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. С. 4.

только в самой общей форме там, где литература и живопись соприкасаются между собой в сфере художественного видения мира и идеологии». ⁸ Внимательному читателю не надо было уточнять характер этой идеологии. Понятно, что речь шла о христианстве.

Спор о так называемом «Предвозрождении» или о термине «второе южнославянское влияние» в русской литературе и книжности со временем выявил многие не решенные еще проблемы, и сейчас, действительно, эта тема нуждается в пересмотре, но сама мысль Д. С. Лихачева об общих истоках и художественных, и богословско-философских, и историко-политических идей на Балканах в XIII—XIV вв. и на Руси в конце XIV—начале XV в. была достаточно революционной. Приведу высказывание ученого: «Структура человеческого образа в произведениях конца XIV—начала XV в. находится в неразрывном единстве со всем стилистическим строем русской литературы этого времени, с ее содержанием, с *философско-религиозной* (курсив мой. — М. Р.) мыслью своего времени, с теми изменениями, которые претерпевало в это время изобразительное искусство». ⁹ Силу убедительности этого поиска *общего* в главе об «эмоциональном» стиле в литературе приобретает не только анализ конкретных фактов, но и эмоциональное же восприятие этих фактов автором книги. Д. С. Лихачев мыслил ассоциативно. Характеризуя фресковые росписи новгородских церквей конца XIV в., он писал: «...человеческие фигуры как бы невесомы, охвачены сильным движением, напоминают собой цветные тени, призраки, разметанные по стенам храма как бы сильным ветром. Люди изображаются точно летящими по воздуху в экстаическом порыве с сильно развевающимися одеждами. Они передаются во всевозможных ракурсах, их жесты широки, резки, они всецело объаты овладевшими их чувствами». ¹⁰ И, входя в Новгород Великий в храм Спаса Преображения на Ильине улице или в церковь Федора Стратилата на Ручью, читатель уже не забудет этот точный образ. О так называемом «церковном начале» в литературе Д. С. Лихачев пишет и в главе о чертах эпического стиля литературы XI—XIII вв., и в главе о стиле монументального историзма не только в литературе, но и в архитектуре домонгольской поры, в частности в храмовом зодчестве: «Его (храма. — М. Р.) устройство было ориентировано на страны света, а росписи напоминали о Вселенной, ее истории — Ветхом и Новом Завете, о будущем человечества — конце мира и Страшном суде. Церковь стремилась поднять человека над суетными заботами дня и показать ему мир в его устройстве и истории, пронизывающую все иерархию явлений и событий». ¹¹ Уместно напомнить дату первого издания этой книги Д. С. Лихачева — 1958 г., время хрущевских гонений на Церковь. А в книге автор стремится показать непреходящую ценность и красоту древней церковной архитектуры. Вспомним, каким непреклонным защитником памятников древности от разрушения невежественными чиновниками самого высокого ранга он был!

Различные способы изображения человека в литературе Древней Руси, рассмотренные Лихачевым, выявляют одновременно и образ автора или авто-

⁸ Там же. С. 90.

⁹ Там же. С. 91.

¹⁰ Там же. С. 89.

¹¹ Там же. С. 62.

ров этой литературы. Книга открывает читателю не только то, что литература постепенно становится личностной не только с точки зрения интереса древнерусского автора к внутреннему миру своих героев, но и то, что определенная идейная и стилистическая задача, на которую сознательно ориентируется автор (редактор, переписчик), со временем менялась. Менялись соответственно и образы человека-персонажа и человека-автора. Д. С. Лихачев заостряет наше внимание на тех особенностях изображения человека в древнерусской книжности, которые впоследствии, в рамках иных эпох и иных литературных предпочтений, были уже утрачены. Но всегда неизменным для автора книги остается главный принцип, определявший всю культуру средневековой Руси в целом, по-разному проявляясь в разных стилистических и жанровых литературных модификациях, — это *принцип следования христианскому идеалу* и представления о месте человека в мире. И потому за образами этих двух «человек», раскрытых Лихачевым в литературе Древней Руси — персонажа и его создателя, — встает третий, не названный впрямую, но о ком в своем знаменитом романе очень точно сказал Борис Пастернак, творчество которого Д. С. Лихачев высоко ценил: «И вот в завал этой мраморной и золотой безвкусицы пришел этот легкий и одетый в сияние, подчеркнуто человеческий, намеренно провинциальный, галилейский, и с той минуты народы и боги прекратились, и начался человек, человек-пахарь, человек-плотник, человек-пастух в стаде овец на заходе солнца, человек, ни капельки не звучащий гордо, человек, благодарно разнесенный по всем колыбельным песням матерей и по всем картинным галереям мира».¹²

Задача книги Д. С. Лихачева «Человек в литературе Древней Руси» в конечном счете состояла в том, чтобы на примере изображения отдельных людей книжниками разных эпох показать, что «древняя русская литература, подготовившая почву для развития великой русской литературы, создавшая условия для восприятия ценностей всей мировой литературы, сама обладала непреходящими ценностями».¹³ Человек, изученный Д. С. Лихачевым в памятниках древнерусской литературы, оказался разным — и это, как кажется, самый главный вывод, который может и должен сделать читатель. К этой книге мы всегда будем возвращаться, потому что написанная в рамках так называемого «консервативного академизма», без которого на самом деле нет движения настоящей науки, книга эта заставляет нас видеть всю историю русской литературы более зорко.

¹² Пастернак Б. Л. Сочинения : В 5 т. М.: Художественная литература, 1989—1992. Т. 3. С. 46.

¹³ Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. С. 158.